

Т е а т р

СКАЗ О НЕИСТОВОМ БОГООБОРЦЕ

Премьера абхазского коллектива Сухумского государственного драматического театра

Открытие нового театрального сезона зритель ждет с большим нетерпением. Сценический праздник обязательно предполагает и новые пьесы, и новых героев, встречи с любимыми актерами. Абхазская труппа Сухумского государственного театра не обманула ожиданий своих многочисленных поклонников. Она открыла очередной сезон новой пьесой А. Лагвилава и Г. Сулякишвили «Абрискида — героическая драма, созданная по мотивам одноименного героического эпоса абхазов».

Народная героическая поэзия — не малолетний гость в абхазской драматургии и театре. Еще в середине 30-х годов на сцене тогда еще молодого и нескрещенного абхазского сектора драмтеатра Абхазии с успехом ставились пьесы «Ильяда Хаджарат» и «Ипполит Куга» М. Кове, написанные по мотивам абхазских историко-героических сказаний.

И вот спустя 30 лет на сцене того же, но уже имеющего свои прочные традиции и отличия ансамбля актеров театра ставится «Абрискида» — пьеса о героине-богборце, выступившей на народных масс, борющейся за национальную и социальную справедливость.

В сказании об Абрискиде особенно ярко и глубоко выражены идеи защиты родины — Абхазии, которую герой оберегает от внутренних и внешних врагов на своем крылатом коне — араше.

Главным сюжетным моментом во всех вариантах сказания выступает эпизод, повествующий о наказании героя за дерзость и непослушание богу. Мотив погони за Абрискидой, его поимки и заточения в пещеру разработан в абхазском фольклоре в нескольких вариантах, совершенно оригинальных вариантов.

Естественно было бы предположить, что в пьесе с таким определенным названием авторы постарались сохранить дух сказания, его главные сюжетные моменты, а сюжетную линию драмы связать с образом Абрискиды, поставив развитие действия в прямую зависимость от индийской героини полновесного эпического героя.

Мы не можем утверждать, что идея богборчества и защиты родины совершенно общедоступны, напротив, о них достаточно пространно говорится (и сомнению, больше говорится, чем показывается) в пьесе, но авторы не сделали их ведущими. В центре своего произведения они поставили другой конфликт, основанный уже не столько на социальных, сколько на моральных, нравственных мотивах. В результате в драме стала отчетливо проследиться линия Абрискиды — Алоу, в которой последний олицетворяет не только человека корыстолюбивого, эгоистичного, но и некоего злодея, злодея начала, враждебного своему народу, всякому общенародному делу. Конечно же, в принципе мы не против такого рода конфликтов, мы хотим лишь заметить, что, на наш взгляд, связывать его с такими яркими эпическими сказаниями, как сказание об Абрискиде, на совсем правомерно — ведь эти конфликты являются характерными для гораздо более поздних историко-героических, литературных памятников.

Однако вернемся к спектаклю. Воплощение образа центрального героя пьесы доверено молодому артисту И. Кавина. Сразу же отметим, что режиссер не ошибся в выборе актера

на столь ответственную роль. Уже первое рождение актера на сцене вызвало одобрительную реакцию всего зала. Причина этого — не только отличные внешние данные артиста и хорошо поставленный голос, но и его внутренний кипучий темперамент, дерзкие выразительные жесты. В Абрискиде чувствуется избыток богатых сил, радость вера в правоту своего дела и свою удачу. Полный гордого самосознания, но вместе с тем чуждый какой-либо самолюбности и своекорыстия, Абрискида целиком отдает свои силы народу.

Однако в отдельных ситуациях образу Абрискиды недостает, пожалуй, романтической, героической одухотворенности. Иногда он становится в позу обыкновенного революционера. Но это уже не вина актера, а результат промахов создателей пьесы и спектакля, которые неумелыми заставляли эпического героя изречать длинные сентенции.

На фоне героического образа Абрискиды контрастно выделяется злобная фигура другого ведущего персонажа пьесы Алоу, роль которого с большой художественной объективностью исполняет актер театра, народный артист Грузинской ССР А. Агба. Алоу в исполнении А. Агба — это не просто изображение насильника и честолюбца, а носитель принципов злодея, злодея начала, которое приносит много горя и его родным, и всему абхазскому народу.

Алоу нет дела до защиты своей родины, до борьбы с социальным злом. В то время, как Абрискида отправился сражаться с великаном, пытаясь изменить человеческий род, Алоу бесстыдно расправляется с неугодными ему современниками. Под видом борьбы с безбожником Абрискидой, от которого якобы и проклянут все божества людей, Алоу стремится к достижению своих эгоистических замыслов. Люди для него — пешки, народное мнение — пустой звук. Все, к чему ни прикасается гнилая рука Алоу, окисляется и гибнет.

Удача заключительная сцена, где народ выносит Алоу жестокий, но справедливый приговор. А. Агба с блеском проводит эту сцену. Звучат обильные реплики собравшихся, гремят удары цепями прикованных. Абрискида, Алоу — А. Агба, охваченный манией непревзойденного великана, даже не пытается выслушать их, он просто не замечает этих намекающих на его существование.

Опытный, вопреки содержанию и духу эпического сказания об Абрискиде, в спектакле введен и любовная тема, которая связывается с именем юной красавицы Амаи. В результате конец ее брата Алоу, девушка досталась ужасная судьба. Литые добрые люди спасли ее от рабства. Девушка насыщалась о благородстве и красоте Абрискиды и любила его.

Актриса З. Когояна с большим подъемом создает образ Амаи. Особенно запоминается актриса в первой картине, где она предельно искренне, очень мягко, но деловито требует поворот к своей любви и Абрискиду, о его замечательных каче-

ствах. Однако в дальнейшем Э. Когояна, пытаясь показать мятежный дух своей героини, иногда прибегает к эффектизму, но не совсем оправданным внешним проявлениями чувств. Думается, что актриса следует показывать гордость и непреклонность героини в том же сдержанном эмоциональном ключе, который она очень удачно наметила в начале спектакля.

Значительное место отведено в спектакле Мадине, матери Алоу. В исполнении народной артистки Грузинской ССР М. Зуха эта женщина предстает перед нами как человек глубоко трагической судьбы. Мечется, рвет на себе волосы женщина, потерявшая двух любимых людей и свою родину. И все же, несмотря на горе и также безмерная ненависть к своему сыну Алоу, который погубил родных сестру и брата, Мадина окончательно разуверилась в порядочности человеческого рода и слова, что-то, мол, совершит добро людям, вызывают у нее лишь саркастическую улыбку. Месть, месть и еще раз месть — только такие мысли теснятся в ее голове. Важность этого персонажа драмы заключается именно в том, чтобы убедительно доказать, какие горе и какие несчастья несут соотечественники отчужденный тип Алоу. И нам кажется, что М. Зуха, исполняя роль Мадины, не ставит перед собой цели надеяться ее лишь индивидуальными чертами, а все усилия направляет на создание обобщенного образа страдающей матери, святой страшной судьбой как бы предостерегающей людей, бросающей обвинение всем мутным и честолюбивым, которые ради личной выгоды готовы жениться на змею. Вспомогательные роли играют, как партия, так и вечный закон родства и братства.

В драме немалое внимание уделено матери Абрискиды — энергичной, но в то же время мягкой, добродушной, сочувствующей мужской горю женщине.

Актриса (народная артистка Грузинской ССР А. Аргун-Когояна). Удачно спектаклю по многим причинам талантливо воплощенный молодой артист (В. Агба) образ злой ведьмы Урдаха, олицетворяющей собой горе, несчастье. Запоминающиеся портреты созданы в спектакле народными артистами Грузинской ССР Р. Агба (Агба), заслуженным артистом Грузинской ССР И. Когояна (Баба), артистками Р. Джопуа (Речоз) и З. Чанба (Мадина) и др.

В отношении режиссерского воплощения пьесы следует заметить, что и здесь немало удачных находок, напряжен-

ных, постылые драматических сцен. Однако все в чем можно поспорить с режиссером постановщиком, заслуженным деятелем искусств Абхазской АССР Г. Сулякишвили. Нам представляется, что нужно более напряженно и эффективно поставить сцену поединка Абрискиды с великаном в пещере. Кстати, здесь можно было бы удачно применить световые и шумовые эффекты. Слишком прямолинейно, а лоб решена и сцена встречи Мадины со своей дочерью. Хотя заключительная сцена спектакля решена весьма выразительно, однако не следовало, на наш взгляд, к месту заточения Абрискиды выводить почти всех участников спектакля. Это в какой-то степени снижает значение той великой борьбы, которую ведет наказанный герой-богборец.

Очень жаль, что в спектакле почти совершенно отсутствуют музыка. Нам неизвестны причины этого, но ясно, что героическая поэзия, дающая широкие возможности для использования музыки, она могла органически влиться в драму, с ее помощью можно было с особой выразительностью оттенить старинные мотивы эпохи. И такой возможностью вряд ли стоило пренебрегать.

В основном удачной представляется нам работа молодого режиссера В. Чидгаридзе. Демонстрация спектакля в лауреатском стиле, сдержанная по форме, но в то же время очень впечатляющая; суровые величественные сцены, среди которых развешиваются события драмы, как бы подчеркивают силу, твердость и непоколебимость духа эпического героя. Особенно эффектно цветовое и световое решение заключительной сцены. Мы хотели бы отметить замечания и по поводу костюмов. Они выполнены красиво и со вкусом, но, пожалуй, следовало бы решить их в каком-либо одном стиле.

В целом спектакль «Абрискида», несмотря на указанные недостатки, был воспринят зрителем с интересом. В нем воспеваются мужество, отвага героев, их борьба за народное счастье, а также гневные бичи злых сил, несущие людям мучения, смерть. Новая премьера абхазской драмы свидетельствует о том, каким благодарным материалом могут быть в руках сегодняшнего художника произведения народной мудрости.

Ш. ПАЛАКАЯ,
В. ДАРСАЛАЯ,
В. ЧИДГАРИДЗЕ
На снимке сверху — спектакль. Справа — Абрискида (арт. В. Кавина), слева — Баба (искусственный драмы Грузинской ССР И. Когояна).

Фото И. Чокочелидзе.